

Порядок слов в художественном тексте

Статья посвящена порядку слов и его эстетическим коннотациям в художественном тексте. Изменение порядка слов в предложении не обязательно связано с инверсией. Следует различать естественный для языка и культурно заданный порядок слов.

Ключевые слова: порядок слов, инверсия, текст.

A. V. Florya
Orsk, Russia

Order of the Words in the Fictional Text

This article is devoted to the word order and aesthetic connotations of this method in the fictional text.

Keywords: word order, inversion, text.

Порядок слов как средство актуального членения не обязательно связан с инверсией. Инверсия – это изменение прямого, строго закреплённого порядка слов – например, постановка сказуемого перед именованным подлежащим, определения – после определяемого слова.

Однако и в этих случаях далеко не всё однозначно. По-видимому, следует различать естественный для языка и культурно заданный порядок слов. В общеупотребительном русском языке нормально положение определения перед определяемым словом, и его изменение можно трактовать как инверсию.

Но иногда писатель – например, в целях стилизации – пользуется готовыми культурно кодифицированными формулировками с обратным порядком слов: «Перед вечером море Галилейское замирает»; «По земле Палестинской издавна бродили пророки, вещающие надежды, грозящие гибелью»; «– Кто ты? – непочтительно спросил Симон. – *Сын Человеческий*» (В. Тендряков. «Покушение на миражи»). Если в выделенных евангельских словосочетаниях и есть инверсии, то они принадлежат не автору – В. Тендрякову. В его тексте приём скорее фразеологический (использование уже существующих оборотов), чем синтаксический (Тендряков не меняет порядка слов; если бы он переставил их, установив прямой порядок – вот тогда это, как ни парадоксально, была бы инверсия).

В поэтической речи свободный порядок слов воспринимается как книжная черта, а вот в прозаической – по мнению И. Б. Голуб, как разговорная. Он имеет сугубо стилистическое значение, не зависит от тематического членения высказывания и проявляется не только в старинных текстах,

но и в более современных: «*Большие* зеленеют почки» (М. М. Пришвин); «*Ранний* перепадал снежок» (М. А. Шолохов) [1, с. 357]; «*Бесстрастная* стучит машинка» (Г. Шенгели).

Возможны и другие варианты перенесения ремы в препозицию: «Неизвестно, как бы дальше продолжалось его развитие, если бы, года три назад, не произошёл в его жизни переворот. *Случайно* он открыл ключи к счастью» (Ю. Мамлеев. «Борец за счастье»); «"Слушай, Милка, – пьяно заикаясь, приступил Варакин. – Давай мы *тебя* украдём". – "Как это украдём?" – "Ну, умыкнём, значит. Обычай не знаешь? Без этого ни одна свадьба не варится"» (В. Личутин. «Миледи Ротман»).

Инверсия в прозе может поддерживаться некоторыми дополнительными факторами – например, однородные подлежащие тяготеют к постпозиции: «За последний месяц перед ним прошли *сотни людей: стрелочники, кондуктора, инженеры, ревизоры движения и пути*» (Л. М. Леонов. «Дорога на океан»).

Перестановка подлежащего и сказуемого может обосновываться композиционно – как оформление зачина повествования: «*Приехали мы* в Ленинград, в командировку, с председателем нашего месткома» (М. А. Булгаков. «Египетская мумия») – это косвенное указание на наличие экспозиции, предыстории.

Иногда в поэтической речи слова ставятся в определённом порядке для создания размера и рифмовки. Понятно, что прилагательные, отодвинутые в постпозицию, рифмуются легче – хотя такие рифмы несколько однообразны и банальны. Однако можно ли считать этот формально обусловленный порядок инверсией? Не исключено,

что автор поставил слова таким образом для технического удобства, а не для создания каких-то смысловых нюансов.

Ответить на этот вопрос можно с позиций стилистики декодирования. Нельзя с полной уверенностью судить о том, чего именно хотел автор, но готовый текст в известной степени становится автономным по отношению к нему. Читатели рассматривают текст как единое целое и вправе, не задумываясь о намерениях автора, находить в тексте смыслы, которые он в принципе допускает. Иначе говоря, мы вправе считать, что непрямой порядок слов играет в поэзии не сугубо формальную роль (ритмически-упорядочивающую), но и содержательную – в постпозицию ставятся слова, на которые автор обращает внимание читателей, – т. е. мы можем усматривать здесь инверсию как приём: «Нева шумела. Бился вал // О пристань набережной *стройной*, // Как челобитчик *беспокойный* // Об дверь *судейской*» (А. С. Пушкин. «Езерский»).

Отметим, однако, что сама по себе инверсия не выделяет значимые слова – она действует на фоне прямого порядка слов.

Такую же роль может играть прямой порядок – если в тексте основной ритмики является инверсия: «Мне жаль, что мы, руке *наемной* // Дозволя грабить свой доход, // С трудом ярем заботы *тёмной* // Влачим в столице круглый год, // Что не живём семьёю *дружной* // В довольстве, в тишине *досужной*, // Старея близ могил *родных* // В своих поместьях *родовых*, // Где в нашем тереме *забытом* // Растёт пустынная трава; // Что геральдического льва // Демократическим копытом // У нас лягает и осёл: // Дух века вот куда зашел!» (А. С. Пушкин. «Езерский»). За счёт семи инверсий Пушкин создаёт определённую ритмическую инерцию восприятия текста. Читатель привыкает к такому порядку слов, и вдруг автор резко разрушает этот стереотип, производя *эффект обманутого ожидания*. Именно поэтому в конце текста ярко высеиваются наиболее важные в смысловом отношении определения, не подвергнутые инверсии: «*пустынная трава*» – т. е. забвение аристократами своей культуры, традиций, – и особенно антитеза «*геральдический лев – демократическое копыто осла*».

В поэтических текстах произвольный порядок слов может восприниматься как подчинение ритмическим требованиям – например: «В века старинной нашей славы, // Как и в худые времена, // *Крамол и*

смуты в дни кровавы, // Блестят Езерских имена» (А. С. Пушкин. «Езерский»). Прямой порядок был бы таким: «*имена Езерских блестят в кровавы дни крамол и смуты*». На первый взгляд, ни для чего другого, кроме необходимости соответствовать размеру, пушкинский порядок слов не предназначен: он очень затрудняет чтение. Однако поэт здесь говорит о старине в духе самой этой старины – и произвольный порядок слов выглядит как стилизация.

А вот в обороте «*бездны мрачной на краю*» («Пир во время чумы») перемещение составного отымённого предлога «*на краю*» имеет иллюстративную функцию: резко меняется «нормальный» порядок жизни – и столь же резко меняется естественный порядок слов во фразе, описывающей эту ситуацию. Читая текст, мы как будто сами перемещаемся на этот «край».

В повести Ю. Н. Тынянова «Подпоручик Киж» перемещение прилагательных (в составе именных сказуемых) в постпозицию употребляется в тексте, характеризующем личность Павла I, и производит впечатление склонности этого императора к канцелярскому мышлению и стилю поведения. Он как будто стремится всё расклассифицировать, всему дать особое определение, которое ставится после определяемого компонента, как в бюрократических номенклатурах: «"Караул" был *крик нелепый*, и вначале у Павла Петровича был *гнев небольшой*, как у всякого, кто видит дурной сон и которому помешали досмотреть его до конца <...> Потом было любопытство: кто и зачем кричал "караул" у самого окна? Но когда во всём дворце, метавшемся в большом страхе, не могли сыскать того человека, гнев стал *большой*» (это естественный порядок слов, но в этом контексте он внешне похож на инверсию – А. Ф.). Отметим также, что другие люди – не бюрократы – испытывают, хотя и негативное, но естественное чувство – «*большой страх*». В этой формулировке нормальности эмоции соответствует естественный порядок слов – по контрасту с чувствами бюрократа императора – «*гневом большим и небольшим*».

Итак, изменение порядка слов в предложении – не обязательно инверсия. Следует различать конструктивно (технически) и эстетически обусловленное нарушение порядка слов. Роль этого приёма бывает не только композиционной, но и собственно художественной, передавать психологические нюансы и смыслы, связанные с текстовым целым.

Список литературы

Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М. : Рольф, 2001. 448 с.